

*«Война не может быть справедливой,
потому что воевать справедливо нельзя,
даже если воюешь за справедливость».*

Тадеуш Котарбиньский

Книга основана на реальных событиях.
Все имена изменены или вымышлены.
Любые совпадения имен, фамилий и на-
званий СЛУЧАЙНЫ...

Алексей А. Петрухин

Уважаемый читатель!

Предваряет эту книгу уникальный документ.

Перед вами — письмо полковника Суворовцева и рукопись книги, которые были найдены в сейфе в его кабинете, в Управлении по борьбе с незаконным оборотом наркотиков. Письмо было обнаружено в ходе следствия по делу о нашумевшем исчезновении полковника Суворовцева во время международной конференции сотрудников правоохранительных органов в Афганистане. Следствие выяснило, что исчезновение, а по одной из версий — похищение Суворовцева, связано с его профессиональной деятельностью и его давней личной враждой с главой одного из крупнейших международных наркосиндикатов. Может быть, письмо прольет какой-то свет на события, предшествовавшие роковой поездке полковника Суворовцева на конференцию в Афганистан...

Если у вас есть какая-либо информация о Суворовцеве или о других участниках нижеописанных событий, пишите нам по электронной почте на адрес info@rospo.ru.

Также нами были удалены и спрятаны несколько десятков страниц рукописи Суворовцева, которые ка-

сались его личной жизни. Мы решили, что, пока судьба Суворовцева нам не известна, не надо публиковать имена родных и близких ему людей. Также мы взяли на себя смелость изменить имена и фамилии некоторых других героев рукописи Суворовцева. Надеемся, что по его возвращении, на что мы очень рассчитываем, мы сможем ему объяснить все это.

Дмитрий Иванов
Милана Касакина

Без адресата...

Без даты...

...В голове мысли. Все время мысли. Просто наказание какое-то. Когда больше не можешь оставаться с мыслями наедине, начинаешь проговаривать свои мысли, то есть говорить с самим собой. Это, наверное, странно выглядит со стороны, но ничего не поделаешь — когда мыслям тесно в голове, они стремятся наружу, и ничего им не прикажешь.

Потом начинаешь мучить своими мыслями друзей. Друзья — терпеливые люди, на то они и друзья. Друзья терпеливо выслушивают мои мысли, а некоторые так их затрагивают, что друзья перестают слушать меня и сами начинают с жаром говорить — у них, оказывается, тоже были мысли, похожие на мои. Это полезный процесс — выговаривать друг другу свои мысли, потому что часто, когда произносишь мысль вслух, в диалоге с собеседником, неожиданно доходишь в развитии этой мысли намного дальше, чем мог дойти сам, когда эту мысль часами в голове крутил так и эдак. Мысли любят, когда их произносят вслух, — они от этого взрослеют и вырастают.

Потом, когда и этого становится мало, начинаешь мысли записывать. В надежде, что кто-нибудь, когда-нибудь это прочтет и его мысли тоже окажутся так подозрительно похожими на мои.

Так, нормальный вроде бы человек, насколько нормальным может быть признан современный человек, вдруг решает написать книгу.

Эта книга — мой первый литературный опыт. И я должен был, наверное, просить вас, читатель, не быть к ней слишком строгим. Но у меня много странностей, о которых, кстати, вы узнаете из этой книги. Есть среди них и такая: я попрошу вас быть к ней как можно более строгим, потому что только в этом случае я буду знать, что читает книгу человек, мысли которого действительно похожи на мои. Что это за книга, если к ней надо отнестись снисходительно?

Кстати. Эта книга — и не книга. Это мои мысли. Это сконцентрированный в словах опыт, жизненный и профессиональный. Так случилось, что мне довелось участвовать во многих интересных событиях своего времени и общаться со многими примечательными личностями, причем личностями как со знаком «плюс», так и со знаком «минус», если вы понимаете, о чем я говорю. Многих личностей обоих знаков вы встретите на страницах этой книги. И однажды я решил, что было бы скучно с моей стороны оставить такой опыт при себе — ведь он может оказаться полезным для многих. Нет, это не значит, что книгу я написал как прикладную инструкцию, повествующую о том, как надо правильно жить. Да и кто я, чтобы поучать вас, читателя, наверняка знающего все лучше меня. Просто — это мои мысли. И делайте с ними что хотите.

Книга эта странная. Состоит она, так уж получилось, из нескольких, смысловых и сюжетных, слоев. И поначалу была задумка слои эти оставить отдельными, как в торте. Один слой — это детектив, герои и сюжет которого будут знакомы тем, кто смотрел фильм «Мужской сезон. Бархатная революция». Книга является по форме сценарием второй части кинотрилогии «Мужской сезон». И я надеюсь, продюсеры первого фильма снимут продолжение этой истории... Но сейчас не об этом, сейчас о слоях.

Первый слой книги будет, наверное, интересен

тем, кто любит современный остросюжетный детектив. И не слишком настроен на отвлеченные рассуждения. Ну и хорошо. Хороший детектив — это всегда интересно (а я надеюсь, что детектив у меня получился хороший), и, в конце концов, это всегда проверенный способ убить время, пока едешь в метро или поезде. Такая судьба этой книги, сразу скажу, вовсе не кажется мне унижительной. Если вы, читатель, прочитаете ее, чтобы развлечься и убить время, — это ваше право. Надеюсь, убить время вам удастся легко, и оно, наше с вами бедное время, умрет без мучений. Да и вообще, все эти отвлеченные литературные рассуждения — это дело такое. Требует времени, сил, напряжения души и непонятно куда приводит.

Ну а те, кто все-таки склонен искать в литературе отвлеченные рассуждения, то есть склонен искать в литературе — литературу, найдут в книге еще один слой — это написанные от первого лица монологи полковника Суворовцева. Это мои мысли. Они приходили в мою голову в разное время, в разных обстоятельствах; иногда это было связано с моей работой, иногда — было вовсе с моей работой не связано, а вызвано событиями, которыми полна жизнь каждого человека, влюбленностями и разочарованиями, увлечениями и поисками выхода. Не секрет, что вход в большинство острых жизненных проблем нам всем известен, и все мы ищем выход. Потому что найти его сложнее, чем вход. В этой книге такие рассуждения тоже порой имеют отношение к детективному сюжету, а порой — ровным счетом никакого отношения к нему не имеют. Просто — это мои мысли. Будьте к ним поостроже. Надеюсь, они не позволят вам спокойно проехать в метро или поезде. Надеюсь, эти мысли впредь будут мучить вас так же, как мучают меня.

Поначалу была идея разделять эти слои в книге. Но потом два этих слоя — неожиданно и даже против моей

воли — стали стремиться друг к другу, как будто детективный сюжет и отвлеченные рассуждения что-то хотели сказать друг другу, чем-то помочь. Смешались они так тщательно, что я сам теперь не знаю, где в этой книге граница между детективом и личным дневником. Границы нет.

Более того, многие события и герои в книге — реальные. Но книга живет по своим законам, и авторский вымысел вызывал к жизни события и героев, которых не было на самом деле. А может, и были. Или будут. В общем, и тут все тоже так смешалось, что не разобрать. Когда я сам перечитывал рукопись этой книги, я ловил себя на том, что стопроцентно правдивые фрагменты из моей собственной биографии кажутся мне оголтелым вымыслом. Хотя это было, и я это помню, и это — моя жизнь. А куски, в которых я напозволял себе «авторской свободы», кажутся куда реальнее моей собственной биографии. И я решил, что не буду больше ломать голову над этой проблемой и впредь буду все события и всех героев считать реальными. И вам советую поступить так же. Или наоборот. Считайте все это вымыслом, от первой строчки до последней. Если вам так легче. В конце концов, вы — читатель, вы — судья, и выбор — за вами.

Это как говорит один мой знакомый режиссер, Олег Степченко, — то, что делаешь на компьютере, все не замечают и принимают за реальные кадры, а в отношении того, что сделано на съемочной площадке старанием актеров, каскадеров, креативом режиссера и творческой группы, все моментально говорят — крутая графика. Кстати, хотелось бы дожить и посмотреть новую его работу — «ВИЙ» по Гоголю, говорят, «мозги разрывает». Отвлёкся я на кино, даже лексика поменялась...

Так вот. Границы между правдой и неправдой нет. Многие сейчас со мной не согласятся. Тогда я скажу

так — каждый чертит ее сам, для себя. Ее нет не только в этой книге. Ее, по моим наблюдениям, нет и в жизни. Нет границы. Есть только вопросы. Не сочтите это за мое отношение к правде и неправде. Это мои наблюдения об отсутствии границы между этими понятиями. Конечно, на словах она есть у всех, и более того, каждый скажет, что эта граница ярко выражена. Но на практике всё не так, к сожалению. Как легко перейти из одного состояния в другое, даже не заметив эту самую границу. И вот тогда возникают вопросы. Чем больше человек ходит через эту границу, тем больше вопросов.

Самые интересные вопросы — по крайней мере, для меня — это те, на которые не получается ответить. Ни с ходу. Ни на следующий день. Ни через год. Я знаю — по своим близким людям, что такие вопросы почти всех беспокоят. А кого не беспокоят эти вопросы — за того я сам беспокоюсь.

Вот такая у меня странность — я люблю вопросы, на которые не могу найти ответы. А может, и нет на них ответа. Может быть, они подарены нам кем-то свыше именно как вопросы, потому что ответы можно найти только выше. Что это за вопросы? Да, в общем, простые это вопросы. Например, такой.

Кто я?

ЖИЗНИ, ЛЮБВИ И ДРУЖБЕ
ПОСВЯЩАЕТСЯ...
А ТАКЖЕ ВСЕМ, СТОЯЩИМ НА СТРАЖЕ
БУДУЩЕГО НАШИХ ДЕТЕЙ.

А.А. Суворовцев

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Воин света достоин доверия.

Порой он совершает опрометчивые шаги; иногда считает себя гораздо значительней, чем есть на самом деле. Но он не лжет.

Сидя у костра в кругу товарищей и подруг, он ведет с ними беседы.

Он знает, что его слова будут сохранены в памяти Вселенной как некое свидетельство того, чему посвящены его думы.

«Зачем я так много говорю, если иногда не в состоянии претворить слова в деяния?» — размышляет воин.

«Когда ты прилюдно и открыто отстаиваешь свои взгляды, ты поневоле вынужден жить в согласии с ними», — отвечает ему сердце.

И поскольку слова его — неизменное и верное отражение его мыслей, воин в конце концов превращается в то, о чем он говорит.

Пауло Коэльо

ГЛАВА 1

КТО Я?

Кто я?

Кто я? Каждое утро я вижу свое отражение в зеркале, и я задаю себе этот, риторический, в сущности, вопрос. Вот ведь слово — риторический. Что это за слово? Столько слов человек говорит каждый день. И слы-

шит. А что слова значат? Иногда — ничего. Иногда — все. Вначале было слово. А как разобраться в словах, если трудно ответить даже на такой вот вопрос — кто я?

Нет, не риторический это вопрос. А дурацкий. Кто я? Роли это все, роли. У меня, можно сказать, актерская профессия.

Нет, уж что-что, а свою роль я знаю хорошо. Я знаю, кто я.

Я — офицер. Принято думать, что это геройская профессия. Получается, что я — герой. Ну да. Вообще-то я герой. Ну, иногда мне так хочется думать.

И вот, получается, самый настоящий герой спрашивает себя каждое утро, когда чистит зубы: кто я?

Семь тридцать пять. Оденусь и пойду. До работы — двадцать минут пешком. Пройдусь, пешком пройдусь, как всегда. Время позволяет. Время позволяет маленькие вольности — например, пройтись пешком. Конечно, время позволяет это не всем. Только тем, кто умеет обращаться с ним. Но я — умею. Наверное, умею.

Почему людям нужна одежда? Я люблю одежду. Интересно, почему? Мой древний предок вряд ли придумал одежду из стыдливости. Я думаю, этот предок не знал стыдливости, некогда ему было думать об этом. Выжить надо было. Не быть съеденным. Кстати, в наше время — проблема тоже актуальная. Я думаю, одежду придумала женщина. И она придумала ее не из стыдливости — вообще, стыдливость пришла к человеку, я думаю, намного позже, когда человек потерял свою главную степень свободы — свободу ощутить себя братом дерева и другом камня; тогда человек и начал стыдиться всего подряд, ну а потом начал стыдиться и себя самого, и своего тела. А женщина придумала одежду, потому что хотела красоты. Мужчина всегда занимался убийством зверей и соседей, а женщина всегда искала красоту. Однажды женщина примерила на себя шкуру, и украсила волосы венком из грубых цветов, и увидела

себя в озере, и поняла — вот красота. Мужчина долго не мог понять этих странных причуд женщины, но женщина убедила его, убедила нарядить его покрытое безобразными шрамами тело в шкуру, потому что это — красиво, и мужчина согласился — ради женщины. Вот примерно так потом все это и происходило много тысяч лет: мужчины, отмывшись от крови убитых врагов, смотрели на себя, любовно приодетых руками женщин, и так сохранялась в мире красота.

Сейчас, правда, много есть мужчин, часами проводящих время перед зеркалом, накрашенных, надушенных и нежных, как фиалка. Эдакие рабы красоты. Но вот той, природной, озерной красоты в этих рабах красоты — нет. Наверное, потому что рабство — это некрасиво. И еще потому, что слишком красивый мужчина — это уже урод. Вот такое есть странное свойство у мужской красоты — во всяком случае, как я ее понимаю для себя.

Почему я люблю одежду? Потому что она выражает что-то. Что? Социальный статус? Ну да. Но что это такое — статус? Непонятно что. Слова. Ты — то, что ты делаешь, а не то, что ты носишь. Но приятно. Приятно надеть свежую рубашку, накрахмаленную, она даже скрипит. Люблю это чувство. Люблю обувь. Да. Странно в этом признаться, но это так. В этом есть какой-то порядок, что-то в этом есть, что приводит в порядок все — мысли, чувства. Это большая проблема — привести в порядок свои мысли. А тут раз — надел хорошую вещь, и как будто сам стал ею. Чистым себя чувствуешь, накрахмаленным таким. Люблю я это чувство.

Принято считать, что утром следует надевать то, что диктует настроение. В общем, это логично. Не могу похвастаться, что всегда могу позволить себе эту роскошь — нет, выразить настроение одеждой я умею и люблю. Но работа часто заставляет надевать не то, что диктует мое настроение. Можно сказать, что это плохо,

что это — не есть свобода. Да, несвобода. Но у этой несвободы есть и свои плюсы, которые я открыл для себя со временем. Бывает, встанешь утром в таком настроении — вспомнишь все проблемы, или — все итоги последней, не слишком удачной операции, или — ушедших друзей... Хочется надеть тогда что-то в духе Вершинина — пару пулеметных лент на голое тело, камуфляжные штаны и кованые ботинки. Но в Управлении в таком виде не покажешься — протокол заставляет облачиться в безукоризненный костюм. И вот что интересно: пока его надеваю, и настроение уже становится лучше. Так что есть свои плюсы в протоколе. Во всем есть свои плюсы — во всех минусах. Это закон. Прилагается, кстати, в комплекте к нему и еще один закон: есть минусы и во всех плюсах.

А когда я все же позволяю себе надеть то, что хочется, то я радуюсь вдвойне. И всегда, когда я думаю о том, что сегодня надеть, я вспоминаю женщину. Ту женщину, которая научила меня этому — одеваться. Это не единственный подарок, который я получил от нее. Она умела дарить подарки как никто — и она умела дарить такие подарки, которые входят в привычку, входят в характер, становятся частью меня, становятся мной. Иногда я стараюсь вспоминать ее реже. Именно в такие моменты я начинаю вспоминать ее чаще. Вот что такое настоящая женщина. Невозможно понять, победа ли она твоя... или твоя катастрофа...

Да. Хорошие туфли. Ну все. Пошел. Все-таки интересно, кто я?

Много разных мыслей и вопросов — попадают среди них и риторические, кстати, — приходит мне в голову, когда я иду на работу. Хорошо, что у меня есть дело в жизни. Настоящее дело. Мужчина, который не может так думать о себе, по-моему, несчастный чело-

век. Вокруг много несчастных людей, кстати. Толпы целые несчастных людей. Как им помочь? Это уже риторические вопросы пошли.

Что за дело я делаю? Хочу самому себе ответить на этот вопрос, но так, чтобы не употребить ни одного громкого слова. Если бы я жил лет пятьдесят назад, во времена, когда мужчины носили широкоплечие пальто и гангстерские шляпы, а журналисты писали языком плаката, я сказал бы — я спасаю человечество от зла. Но сегодня не носят шляп, и спасать человечество от зла считается смешно. Не знаю, кстати, почему. Шляпы, конечно, не актуальны. А вот насчет зла — это зря. Спасать — это всегда актуально. Потому-то всегда есть от кого. Почему всегда есть — от кого? Это опять вопрос риторический. Да что ж такое сегодня со мной...

Кого я спасаю — и от кого? Да обычных людей, которым, наверное, в жизни чаще живется плохо, чем хорошо. От тех, кому чаще живется хорошо и редко — плохо. Плохо им живется, только если очень постарается какой-то энтузиаст вроде меня. Все-таки я герой. Я — рыцарь добра. Так — стоп. Это уже пафос пошел, а пафос я отрицаю.

Пафос всегда означает пустоту. Самые пафосные из известных мне людей были самыми пустыми. Самые мудрые из мне известных — самыми простыми. Мудрость всегда приходит к простоте. Ничтожность всегда ищет пафоса. Это точно. Так что неприступно важный вид у человека — для меня это приговор. Значит, передо мной просто дурак. Пафос я отрицаю внутри себя, но признаюсь, иногда приходится его применять, но это только по работе, когда без этого не обойтись. Это все роли, роли... Как в кино.

Есть одно только исключение — юность. Юность может себе позволить пафос, потому что юности по-другому скучно. Но это другое. Юный человек может дать вселенского пафоса, и это бывает смешно, но не

бывает плохо, потому что он так искренне думает, он так — правда же — чувствует. Юности можно. Юности вообще все можно. Почти все. Кроме предательства. Впрочем, и на этот грех юный человек, по моим наблюдениям, идет реже человека взрослого. Потому что юный человек спорит с миром, борется с миром. Что часто бывает смешно и часто даже опасно для него самого. А взрослый с миром торгует. Что, хоть и бывает опасно — на крупных суммах, — но чаще все же бывает удобно и выгодно. Противно. Почему я подумал — «противно»? Так ведь об этом думать может только юный человек. Может, я сохранил способность смотреть на вещи, как в семнадцать, как в двадцать лет? Нет. Не буду себя обманывать, хоть это — обманывать себя — я очень люблю и хорошо умею. Нет. Не сохранил. Мне не двадцать. Но я — не до конца забыл. Я все сделаю для того, чтобы не до конца забыть, как выглядели вещи в двадцать лет. Я не забыл. Этим от многих людей я сильно отличаюсь. Нескромно, но факт.

Я иду пешком на работу, чтобы убедиться в том, что осень действительно пришла. Хорошо, что есть какая-то в жизни стабильность. Хоть какая-то. Вот за что я люблю осень — она приходит вовремя. Как я.

Беспечной юности у меня, можно сказать, и не было. Во всяком случае, вот так расслаивать по лавочкам и попивать пивко, как они, мне не приходилось. И откуда только взялась эта мода садиться на спинку скамейки и топтать ногами сиденье? И вообще, откуда на бульваре столько бездельников в самом начале дня? Нет, все-таки это была плохая идея — пройтись пешком. Осень пришла бы и без меня. Под ногами гравий скрипит — только ботинки новые испорчу. Можно вернуться в машину. Там климат-контроль. Смешное сочетание слов, кстати. Что было бы, если люди могли бы

контролировать климат? Могу предположить. Это длилось бы два дня. В первый день по всей земле установили бы климат, как на Багамах или в Калифорнии: 366 солнечных дней в году. На второй день был бы конец света. Хорошо, что климат-контроль люди могут сделать только в пределах одной машины.

Откуда это потянуло гарью? Нет, не гарью — запах такой сладковатый... Да это же жгут опавшие листья! Осень пришла, пока я работал. В Прагу ездил к Сан Санычу, итоги последней большой операции подводить. Хвалил он меня, кстати. Когда мэтр хвалит — это приятно. А Сан Саныч — мэтр. Сан Саныч за свою жизнь такие дела раскрыл, таких упырей на чистую воду вывел, что, если он хвалит, — это не слова. Пока я ездил в Прагу, думал, что я молодец все-таки, — такую операцию под носом у такого количества врагов провернул, — осень взяла и пришла. Очей очарованье. Да. Есть еще немного времени, я могу пошататься по бульвару, повдохнуть дым осеннего костра. Послушать карканье ворон. Глупые занятия, конечно. Но без них — непонятно, зачем жить.

А ровно в 9.00 дежурный на посту в Управлении, как всегда, отметит мою пунктуальность. Если честно, я сам горжусь своей пунктуальностью. Знаю, что гордиться своими положительными качествами не очень хорошо. И стараюсь не гордиться. Но вот в этом случае ничего с собой поделаться не могу — горжусь. Все-таки я молодец. Всегда вовремя, точен, аккуратен. Молодец, Суворовцев. Если бы я был не просто большим, а громадным начальником, главой даже не всего Управления, а министерства или даже — страны, я бы нет-нет, а вызывал меня на ковер, сначала молчал бы так угрожающе, чтобы тонус в подчиненном поддержать, а потом бы говорил: «Наслышан о вашей пунктуальности. Что ж... Это... хорошо! Молодец, Суворовцев!» Да... Приятно пофантазировать. Никто меня так почему-то

не вызывает. Наверное, все считают, что мне и так хорошо. В общем, они правы. Мне хорошо. У меня есть дело в жизни. И есть еще десять свободных минут сегодня утром.

Нет. Сегодня утром это все не просто так. Что-то будет. Что-то готовится. Знать бы что. Я давно заметил — если у меня философское настроение, и в голову лезут сплошные риторические вопросы, и мне кажется, что я вот-вот пойму космический смысл бытия, — это не к добру. Это интуиция. Интуиция — главный капитал, который есть у секретного агента. И это единственный вид оружия, который нельзя купить и на который не нужно иметь разрешения. Я просто нутром чую опасность. Есть какой-то голос, где-то там, во мне, где-то в ребрах или в голове, не знаю. Он предупреждает меня — что-то будет. Спасибо этому голосу. Если когда-нибудь встречу того, кто это мне говорит, — поклонюсь ему низко. Скольким я этому голосу обязан!

Да, точно. Что-то будет. Знать бы что. Но что будет — этого голос не говорит. Это уже не его работа. Это я уже сам как-нибудь разобраться должен. Ну что ж, это справедливо. Не может же голос делать все за меня.

Вот и проходная. Сейчас все прояснится. Дежурный уже издалека улыбается:

— Здравия желаю! Доброе утро! По вам часы можно сверять!

Приветливо улыбаюсь в ответ:

— Утро доброе!

Мне так совсем не кажется. Не доброе оно никакое. Но дежурного это касаться не должно. А насчет часов — да, часы можно по мне сверять. И не только часы можно по мне сверять. Многие другие, важные, положительные, прямо скажу, качества — можно по мне сверять, между прочим. Ну ладно. А то будет нескром-

но, если я сейчас перечислять начну, что еще по мне сверять можно, тем более для большей части положительных качеств приборов пока еще не придумали. Наверняка давно могли уже придумать, я подозреваю. Но не придумывают. Не решаются — ведь тогда можно будет сразу присоединить прибор к человеку — и показания снять: добрый он или злой, часто врет или правду говорит, настоящий или подделка сплошная. Появились такие приборы — большая бы война, наверное, началась. Те, у которых внутри — подделка сплошная, воевали бы против настоящих за уничтожение приборов. Дутых, фальшивых и лживых было бы больше, они бы оккупацию затеяли. Настоящие в лес бы подались, партизанить начали бы. Да-а... Ну и фантазии в голову лезут. Ну и утро. Что-то будет. Точно.

Издавек, на подходе к своему кабинету, замечаю два темных силуэта у окна в коридоре. При виде меня силуэты явно напрягаются и неторопливо идут навстречу. Знаю, кто это. Управление собственной безопасности. Предчувствия меня не обманули. Спасибо еще раз, голос интуиции. Я — твой должник в очередной раз. Ну, давайте, давайте.

Невозмутимо отпираю дверь, спрашиваю, не оборачиваясь:

— Вы ко мне?

С этими я буду повысокомернее. Этим гостям не надо говорить — почувствуйте себя как дома. Эти гости — из тех, что часто держатся свободнее хозяев тех кабинетов, куда они приходят. Зачем они пришли ко мне? Интересно.

Они — ребята не обидчивые. Сейчас тот, что слева, он явно старший, скажет так загадочно и угрожающе одновременно, эти ребята так умеют: «Полковник Суворовцев? Нужно поговорить».

Старший пропускает меня вперед и говорит:

— Полковник Суворовцев? Нужно поговорить.

Офицер УСБ — нормальный, обычный, в сущности, парень. А держится так, как будто он — Клинт Иствуд. Это как минимум. Эта небрежная ковбойская интонация, с которой они обычно приветствуют друг друга, просто по именам, вместо «здравствуй»: Джон! Билл!

Прохожу в кабинет, оставляя дверь за собой открытой.

Они входят за мной и бесшумно закрывают дверь. Они уже освоились, это уже их дверь.

Пока снимаю пальто и подключаю лэптоп на столе, откровенно разглядываю визитеров.

Оба в штатском, но погоны у обоих как будто видны — даже на пиджаках. Оба не меньше майора. Тот, что здоровался со мной по-американски, выше ростом и шире в плечах. Он разглядывает мой кабинет. Он явно тут все переставил бы по-другому, вижу по его взгляду. Это уже его кабинет. Все-таки они нахалы. Видимо, неизбежная профессиональная черта, как высокий рост у баскетболистов.

Второй — блондин с тонкими поджатыми губами. По виду — чистый ариец, ни дать ни взять. Держится ровно. Что-то не так в нем. Нет, не пьет. Но что-то не так. Было бы все так, не держался бы так строго.

Дольше время тянуть нельзя. Сажусь напротив них, всем своим видом приглашая к разговору. Разговор — это уже понятно — не будет приятным.

— Майор Мудренов, — представляется первый.

— Капитан Ухваткин, — мрачно сообщает второй.

Вот дал Бог людям фамилии. Ухваткин. Это не фамилия — это судьба.

Жестом предлагаю садиться. Все, я понял. Вот что значит — опыт. По тому, как они сели, я понял, что именно эти двое будут мне предъявлять. Операция с африканским президентом. Ну, давайте.

Двое напротив сверлят меня глазами и берут эффектную паузу. Смешно. Этот сверлящий взгляд даже

Опера — младше Опера в отделе у нас никого нет — и того рассмешил бы. Так и вижу эту картину — Опер бы их спросил, со своим детским выражением лица: «Ребят, вы че?»

Старший первым устал сверлить меня пронизательным взглядом, откашлялся. Сейчас разразится вступлением, типа — вы понимаете, что мы пришли не чай пить. А я ему скажу — напрасно, хороший зеленый чай помогает найти точку покоя. Что эти два Клинта Иствуда скажут на это? Интересно! А что — я готов поговорить, почему бы нет. Я люблю поговорить. Если бы эти двое знали, с какими артистами разговорного жанра меня сталкивала жизнь! А что, когда-нибудь, может быть, написать мне книгу о мастерах криминальной беседы, к примеру? Мне доводилось вести неторопливый разговор со многими из них.

Это целая наука. Многие, конечно, знают, что криминально окрашенные неприятности чаще всего начинаются с того, что появляются вдруг в жизни, например, бизнесмена или иного состоятельного гражданина мрачные личности и начинают «наезжать». В фильмах принято показывать сцены «наезда» так: эй, ты, ты че, в натуре?! Да я-то — ниче, это ты — че, ты на кого наехал? На меня наехал? Я наехал?! Да ты че? Кто на тебя наехал, ты че, в натуре... Ну, и все в таком роде. Я не знаю, кто снимает эти фильмы. Точно знаю, что снимают их люди, не имеющие никакого понятия, как все это происходит на самом деле. Нет, может, это и происходит так, как в таких фильмах, только происходит это исключительно в голове создателей плохого кино. А жизнь — это хорошее кино, а в хорошем кино все намного тоньше и интересней. Когда за дело берется настоящий мастер «наезда», он берется за дело не спеша и с удовольствием. Его задача проста — нужно начать разговор. Заставить собеседника ответить на первые, ничего вроде бы не значащие вопросы и таким обра-

зом втянуться. Втянуться — значит, открыться. Открыться — значит, пропасть ни за грош. Главное — начать разговаривать, а вывернуть уже сложившийся разговор в нужную сторону — это уже дело техники. Истинный мастер «наезда» безо всяких «ты че, в натуре», очень меланхолично, вполне вежливо и даже где-то душевно говорит что-то вроде того: «Как же так, как же это вы, такой уважаемый вроде бы человек, с хорошей, как пока все считают, репутацией, и так ошиблись... да, мы пока, конечно, никому не сказали, что вы в такое сложное попали положение, можно сказать, «накосячили» вы, уважаемый... да, понятно, что «накосячили» не со зла, но как исправлять положение думаете, какие мысли-то?» Ничего не понимающий бизнесмен смотрит глазами ребенка, скорее всего, даже смеется, думает, недоразумение вышло, и так и говорит: «Недоразумение это, ошибаетесь, ребята, не за того вы меня приняли»; а ребята обижаются: «Как не за того, разве не вы — гражданин такой-то?» — «Ну, я, — тот отвечает, — и что с того?» — «Ну, раз вы — это вы, значит, мы не ошибаемся, или вы думаете, мы так просто к вам пришли, без серьезных оснований?» — «А какие основания?» — спрашивает несчастный. А ему отвечают: «Основания такие, что не уважаете вы нас, вот, даже считаете нас несерьезными людьми, шпаной, ребятами вот называете, что само по себе оскорбительно для людей с нашим социальным положением; вы, значит, думаете, что мы — бродяги, которые даже не знают, к кому пришли, а мы знаем, кто вы, и все ваши проблемы знаем». — «Да нет у меня никаких проблем!» — говорит бизнесмен. «Есть, раз мы с вами разговариваем, значит, уже есть!» — говорят ему «ребята». И они в этот момент, что характерно, правы. Если жертва с ними разговаривает — проблемы у жертвы уже есть. Потому что жертва — это тот, кого едят. Еще через пару минут разговора жертва начнет оправдываться — да я не «ко-

саячил», поверьте, — а еще через две минуты ему докажут, что «косячил», и не один раз, потом выяснится, что «косячил», а признаваться не хотел, потом — что признаваться не хотел, потому что есть что скрывать, а там уже недалеко до страшной картины запутавшегося в грехах, пропащего, в общем, человека, который еще полчаса назад казался себе преуспевающим бизнесменом без особых проблем. Мастер криминальной разводки может прийти на такую встречу действительно хорошо подготовленным, имея приличное досье на жертву. А может импровизировать на ходу, создавая материал для разговора буквально из воздуха, виртуозно, из неосторожно произнесенных слов, которых, как правило, неподготовленный человек имеет свойство обронить в достаточном количестве; а потом неосторожные слова складываются в паутину, выпутаться из которой нельзя. Ну а финал таких разговоров всегда один — подчинение. Жертва должна быть съедена. Жертва проигрывает беседу, за этим следует то, что жертва проигрывает и все остальное — деньги, проценты от бизнеса, а иногда — и весь бизнес. А иногда — так тоже бывает — и всю свою жизнь.

Есть такой отдельный криминальный класс — разводчики. Это мастера словесных паутин, приезжающие на стрелки. Они приезжают без оружия и вид могут иметь вполне сублимный. Но в криминальном мире такие люди — всегда в цене. Разводчики — ближайшие родственники гипнотизеров. Только с помощью гипноза можно внушить психически нормальному вроде бы человеку, что он должен отдать все свои деньги неизвестно кому, неизвестно за что, потому что он страшно виноват, неизвестно перед кем, неизвестно в чем.

Многие неглупые и одаренные в бизнесе люди потеряли все, потому что не знали, как в их жизнь придет криминал, потому что думали, что он придет, как в плохом кино, а криминал пришел, как в хорошем, пришел

тихо и остался навсегда. Они потеряли все, потому что слишком беспечно относились к своим словам. Но слова — это не просто слова. В криминальном мире слова — это очень серьезно, слово — это дело. Кто произносит слишком много слов — тот делает плохое и очень опасное для себя, да и для всех окружающих, дело. Кто говорит мало и делает, что говорит, — тот всегда на плаву и может спать спокойно. Конечно, насколько вообще можно спать спокойно в криминальном мире. Насколько вообще умный человек может спать спокойно.

Я тоже живу в криминальном мире — хотя к нему не отношусь. Вот такое странное положение дел. Я борюсь с этим миром, но уже давно сам приобрел и нередко использую навыки и знания, которые рождены именно криминальным сообществом. Это неизбежно, и это правильно — для сотрудника правоохранительных органов. Нельзя победить врага, если сам не владеешь его оружием. Да и самый обычный и от правоохранительных органов далекий человек, сам того не зная, живет в мире, в котором криминал давно стал неотъемлемой частью культуры. Это дико звучит, но это так, да, именно так. Криминальная культура — часть культуры вообще. Криминальный сленг давно проник в речь воспитанных, образованных людей. Преподаватель университета может сказать сейчас студенту: не подумайте, что я на вас наезжаю, но знание немецкой философии у вас, батенька, на двойку, не читали вы ничего, а вот пришли ко мне и лепите мне тут горбатого. Или подросток может рассказать о неудавшемся свидании с девушкой: забили мы с ней стрелку, я, короче, у кинотеатра полтора часа ждал, а она не пришла — такое запаadlo! Криминальный мир незаметно, без звонка, как он это умеет, пришел не только в жизнь бизнесменов, но и в жизнь самых что ни на есть рядовых обывателей, пришел и обосновался в нем с присущей ему наглостью. Границы в сегодняшнем мире стерты. На

карте они есть, и в кодексах и законах они есть. А в жизни они стерты. Нет границ. Каждый для себя их самостоятельно устанавливает. Да. Боюсь, что это уже философская мысль. Удивляюсь, сколько же мыслей у меня в голове пронестись успевают — пока сижу, молчу и жду, с чего начнут разговор офицеры из Управления собственной безопасности, оккупировавшие этим утром мой кабинет. Скорость мысли — это очень высокая скорость. Если бы я мог жить с этой скоростью — сколько можно было бы за жизнь успеть! Все, пора возвращаться к разговору.

Валяйте, уважаемые коллеги из Управления собственной безопасности, наезжайте, сколько хотите. Поговорим по душам, я поговорить не против, если разговор душевный. А говорить вам со мной придется душевно, потому что иначе со мной не получится.

Коллеги из УСБ смотрят хмуро. Они технологией «разговора по душам» тоже владеют, конечно, — всех у нас этому искусству обучают. Но, боюсь, не повезло вам, коллеги, — опыта у меня побольше и собеседники у меня явно бывали поматерей — то есть помолчаливей. Молчание — золото. Я умею молчать. Значит, я богатый. Кроме того, это вы пришли ко мне, а не я к вам. Значит, вам надо говорить что-то, а я могу подождать, помолчать и подумать о чем-нибудь. Значит, у меня уже преимущество. И отнять у меня его не просто будет.

И тут у меня начинает звенеть мобильный. Это Вершинин.

Он, как всегда, вовремя. Все-таки это талант. Есть люди, которые умеют звонить не совсем кстати, есть такие, что звонят некстати. А есть такие, которые звонят в самую неподходящую минуту, даже не в сутках, а в целом году. У Вершинина этот талант очень развит. И не только этот.

Сбрасываю звонок, вежливо улыбаюсь визитерам. Они кисло улыбаются в ответ. С терпением у них тоже

все в порядке. Сели — спокойно так, обвили меня, в моем же кабинете. Две анаконды.

Вершинин не унимается — иначе это был бы не он. Звонит опять. Кстати, интересно, кто из них — эти парни из Управления собственной безопасности или Вершинин — и есть неприятность, которую я предчувствовал.

Снова сбрасываю звонок. Впрочем, я уже знаю, что это бесполезно. Сбросить желание Вершинина общаться — нельзя. Выключишь телефон — он тут же полезет в окно. Закроешь окно — он вылезет откуда-нибудь из факса.

Сегодня он должен был забирать из больницы жену — у него праздник. Наверное, хочет поделиться радостью со мною. А уж если Вершинин решил поделиться радостью, то скоро его радость накроет всех окружающих, как взрывная волна. Эту его черту я, кстати, люблю. Все умеют делиться плохим, но не все — хорошим. Но почему не через час, например, а?!

* * *

Вершинин стремительно шел по больничному коридору, в белом халате, тесном ему в плечах и потому просто накинутом на его «косую сажень». И вдруг он остановился, словно споткнулся о какое-то невидимое препятствие на полном ходу. На полу перед ним светлел солнечный лучик — розовато-желтый, какой бывает только в прозрачном осеннем воздухе. И в этом ярком луче осеннего солнца медленно кружились пылинки, обычно незаметные глазу.

Все было как тогда. Только тогда было самое начало лета, и в воздухе кружился тополиный пух. Тогда он впервые увидел, как солнечный луч бьет сквозь ее пшеничные волосы и подсвечивает, словно приподнимая в воздухе, всю ее хрупкую фигуру. Она была совсем еще девочкой — длинные тонкие руки, длинные — просто

нереально длинные ноги, торчавшие из какого-то нелепого сарафанчика. Тогда была мода на такие сарафаны — колокольчиком, и в нем она казалась еще младше. Такой маленькой, что ему сразу захотелось подхватить ее на руки и унести, спрятать куда-нибудь ото всех, даже от этого солнца, которое так нагло освещало ее.

Когда Вершинин думал о своей жене, он всегда представлял ее такой, какой увидел тогда — в первый раз. И сейчас он остановился, словно запнувшись об этот солнечный луч, потому что впереди в больничной палате его ждала уже совсем другая женщина. Только худоба связывала ее с той, прежней.

Вершинин думал сейчас, что он виноват в том, какой она стала потом. Точнее — сейчас... Конечно, опустошенным, измученным человеком ее сделал не он сам. Ее опустошил героин. Но почему... Вершинин много раз задавал себе этот вопрос: почему она сделала это — впервые? Почему она делала это потом, он понимал. Вернее, он думал, что понимал. Героин — болезнь, и она заболела. Так он думал, и как ни странно, от этого ему становилось легче. Раз есть болезнь, значит, ее можно вылечить. Но только сейчас он понял, почему это случилось. Ее постоянное одиночество сделало это с ней. Дежурства Вершинина всегда попадали именно на праздники — такой уж он везучий, и жена с дочкой привыкли встречать праздники без него. Это тоже казалось нормальным — такая у него работа. Потом они, наверно, привыкли вообще — жить без него... И эту пустоту заполнила собой болезнь. Так вот почему...

Нет, не героин виноват. Он сам виноват — он, и больше никто. Он виноват, что вот теперь его жена лежит в больничной палате... Он виноват, что она так не похожа на ту, которую он помнит в лучике света...

Эта пронзившая его мысль потянула за собой и другую, еще более колкую. Да, теперь он понял, почему

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая

Глава 1. КТО Я?	12
Глава 2. «РУССКИЙ СУПЕРМАРКЕТ».	67
Глава 3. ИГРОКОВ ВСЕГДА МОЖНО НАЙТИ У ИГРОВОГО СТОЛА	115

Часть вторая

Глава 1. ПОБЕГ	141
Глава 2. НА ДНЕ	209
Глава 3. МОЙ ДОМ — МОЯ КРЕПОСТЬ.	239

Часть третья

Глава 1. ДВА САМУРАЯ	287
Глава 2. ОХОТНИК ИЗ ПЛЕМЕНИ БЕГУНОВ.	305
Глава 3. СТО ПРАВИЛ ПОВЕДЕНИЯ В АФРИКЕ.	336
Эпилог... ДВЕ ПРОБЛЕМЫ БЕН ЛАДЕНА	368